

Андрей Соул



ЦИКЛ ТЪМЫ

# Андрей Соул

## Цикл ТЬМЫ

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=30797648](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30797648)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Настя находится на грани нервного срыва. Последней каплей становится галлюцинация (или нет) в ванной. Она решает уехать в отпуск. Но, что ее ждет – долгожданный отдых или кошмары последуют за ней?

Настя внезапно проснулась среди ночи. Бешено колотилось сердце, во рту пересохло, словно она не спала, а бегала марафон. Она откинула мокрый от пота плед, села на кровати и включила ночник. Яркий свет заставил ее прищурить глаза, голову пронзила резкая боль. Поморщившись, она достала из сумочки аспирин и проглотила пару таблеток, запиная теплой водой: она всегда ставила на ночь полный стакан, чтобы не бегать на кухню.

Последние три года, она стала часто просыпаться по ночам, изнывая от головной боли и жажды; она обращалась к врачу, тот лишь посоветовал пить валерьянку и постараться избегать стрессовых ситуаций. Она хмыкнула, — *«избегать стрессовых ситуаций»!* Он с тем же успехом мог посоветовать ей слетать на луну. Настя уже пять лет работала корреспондентом в крупной телекомпании «Тв-5», начав с должности внештатного сотрудника, и понимала, что стресс стал частью ее жизни. Авиакатастрофы, крушение поездов, пожары, изувеченные тела, скорченные в предсмертных муках, запах горелой плоти; после репортажа, они с оператором отправлялись в ближайшее кафе и пропускали по стопке коньяка: это тоже стало частью ее жизни.

Настя была готова к ночным кошмарам, она понимала, что это неизбежно, и они приходили: сожжённая заживо девушка, с младенцем на руках (*мать-наркоманка заснула с сигаретой на диване*), протягивала ей шприц, интересуясь не

поможет ли она, а то ей не видно вен; обезглавленный здоровяк (*сумасшедший ворвался в бар с бензопилой: пятеро посетителей ранены, семь убиты, бармен обезглавлен*) флегматично протирал барную стойку. Кошмары, трупы, запах жженных волос – на этом она делала карьеру, и надеялась через пару лет, если не сойдет с ума, занять место своего шефа, главного редактора, который собирался на покой.

Девушка сделала еще глоток воды: капля упала ей на грудь, скатилась на сосок, повисла, словно в раздумье, затем шлепнулась на бедро. Настя подумала, что за время работы сильно похудела: слегка впалый живот, худые ноги, даже грудь стала меньше; а ведь еще каких-то шесть лет назад она переживала из-за складок на животе и изнуряла себя диетами.

Она выглядела немного старше своих двадцати шести; она смотрелась в зеркало и видела на симпатичном личике карие уставшие глаза, в глубине которых таился пережитый, за время работы, ужас. Она горько усмехнулась: что-то такое и сказал ее парень (*любовник, друг, Настя не знала, как к нему относиться*) Саша, когда она впервые встретила его в кафе. *В Ваших глазах слишком много грусти, для такой красивой девушки, как Вы,* – вроде так, сказал он, с улыбкой присаживаясь за ее столик, держа в руках букет роз. Он развеял ее мрачные мысли, о *смерти*, а через несколько свиданий – они оказались в одной постели. Саша устраивал ее как друг и любовник, но что-то внутри нее сжималось, когда она ду-

мала о серьезных отношениях и была благодарна ему, что он ни разу не обмолвился о свадьбе или сожительстве; может, он просто чувствовал, что этот разговор ни к чему хорошему не приведет.

В распахнутое окно ворвался поток ветра, обдав ее разгоряченную кожу приятной прохладой. Настя вздохнула, размышляя, стоит ли сходить на кухню, достать из холодильника початую бутылку «Хеннеси», и выпить пару рюмок, чтобы заснуть. Еще одна привычка, ставшая частью жизни. Мысли о коньяке прервал тихий скрип и звук капающей воды, который оборвался через несколько секунд: словно кто-то открыл и закрыл кран. По рукам побежали мурашки, Настя вздрогнула. *Это стресс, и только,* – подумала она, нервно усмехнувшись. Снова скрип и звук льющейся воды, буквально мгновение, но его хватило, чтобы Настя подскочила с кровати, и с ужасом уставилась на приоткрытую дверь спальни. Скрип напомнил звук старого крана, в квартире покойной бабушки: ржавый советский смеситель, работающий второй десяток лет, который она никак не хотела менять. Настя глубоко вдохнула, стараясь успокоиться, но это не помогло. *Я ведь все равно собиралась в туалет,* – подбодрила она себя, но не сдвинулась с места, не отрывая взгляда от двери. В голове путались мысли: *я ведь закрыла входную дверь... это глупо – ночной вор первым делом пошел в ванну, помыть руки...* Девушка глубоко вздохнула, и дрожащей рукой открыла дверь. И замерла на месте.

За матовым узорчатым стеклом в двери ванны, мерцал синий свет. *Цок, цок, цок.* Настя, как зачарованная, смотрела на мерцание за стеклом, слыша щёлканье стартера лампы. *Какого черта, у меня теплый свет и обычный плафон на потолке,* – промелькнула мысль, быстрая, как ветер; она нажала на выключатель в коридоре, люстра над ней сверкнула и раздался тихий хлопок: она узнала звук взрывающейся лампочки; несколько мелких осколков застряли в ее волосах. *Совпадение,* – Настя старалась не впасть в панику, – *такое случается.* Правда, успокоиться она не смогла, сердце стучало, готовое вырваться из груди. Она медленно подошла к двери ванны, надеясь, какой-то частью сознания, что это всего лишь сон, и открыла дверь.

В нос ударил резкий запах протухшей рыбы. Тонкая розовая душевая шторка была задвинута, хотя она могла поклясться, что отодвигала ее, когда вышла из душа. Плафон под потолком мерцал холодным, как в морге, светом. Девушка услышала тихий всплеск: за шторкой появилась тень – силуэт поднялся на ноги; Настя открыла рот закричать, но не смогла, крик застрял в горле; ее взгляд впился в силуэт, в ушах стоял звук стекающей с тела воды. Синие, сморщенные от воды, пальцы легли на край шторки, отодвигая ее. В ванне, полной иссиня-черной воды, стояла утопленница: редкие темные волосы мокрыми прядями спадали на плечи; пустые глазницы, в которых от сырости проросли водоросли; на изъеденном рыбами лице, застыла ухмылка, обнажая

остатки сгнивших зубов. Ее обнаженную посиневшую кожу местами покрывал ил, на бедрах и животе прилипли икринки, одно колено было объедено до кости. Она протянула руку, указывая полусгнившим пальцем на Настю, вода стекала с нее, заливая белый резиновый коврик.

– Не хотите взять у меня интервью? – из ее рта вырвался булькающий звук, смутно напоминающий смех.

Настя вышла из оцепенения, почувствовав, что мочевого пузыря сам решил свою проблему: по ее бедру побежала горячая струйка мочи. Она захлопнула дверь, так что хрустнул косяк, и защелкнула шпингалет под ручкой. В тот же миг, за стеклом возникла тень, дверь задрожала; девушка, всхлипнув от страха, отшатнулась. Ногу пронзила резкая боль – она наступила на осколок лампы, порезав ступню. Но она лишь тихо вскрикнула: ее взгляд был прикован к ручке, она проворачивалась, но шпингалет блокировал дверь. Из ванны раздался вздох, от которого она покрылась гусиной кожей, затем снова всплеск и звук задвигающейся шторы. Свет в ванне мигнул последний раз, и квартира погрузилась в полную темноту; лишь луна пробивалась сквозь приоткрытые шторы, прокладывая тусклую дорожку света.

Настя стояла посреди коридора, не в силах пошевелиться; из пореза на ступне медленно текла кровь. *Избегайте стрессовых ситуаций*, – пронеслось в ее голове, и она истерически хихикнула. Затем все тело затрясло от пережитого нервного напряжения, и она засмеялась во весь голос, осознавая

абсурдность ситуации; в ее ванне купался мертвец, она стояла в обмоченных трусиках, чего не случилось с трех лет, и порезанной ступней: а в голове пульсировала всего одна мысль: *никакого стресса, выпейте теплого молока и ложитесь спать*. Смех прервал жалобный всхлип, Настя зажмурилась, собирая волю в кулак, она не собиралась сходить с ума. *Мне нужен отпуск*, – пришла мысль.

Она медленно прошла мимо ванны на кухню, в любой момент ожидая увидеть тень за стеклом, но стояла полная тишина. Она достала из холодильника перекись водорода, полила на порез на ноге и заклеила пластырем; затем вытащила коньяк и вернулась в спальню, стараясь не наступить на осколки. Настя закрыла дверь, повернула стопор и, *просто на всякий случай*, подперла спинкой стула ручку. Она брезгливо скинула трусы, вытерлась влажными салфетками и натянула боксеры.

Ночник на столе уже не работал, но ей хватало лунного света. Она устроилась на кровати, налила в стакан коньяк и поставила бутылку на прикроватный столик. Часы показывали начало четвертого утра; спать она больше не собиралась. *Никакого стресса*, – усмехнулась про себя Настя и залпом проглотила обжигающую жидкость: по телу разлилось приятное умиротворяющее тепло; незаметно для себя, девушка задремала.

## 2

*Приятный холодный металл уперся в его висок: от чару-*

*ющей влекущей темноты, которую именуют Смерть, отделяло одно нажатие на курок. Артем был готов шевельнуть пальцем: представляя, как его череп дернется, из отверстия, вслед за пулей, вылетят ошметки мозгов, пачкая светлые обои. Темнота манила его, соблазняя сладостной тишиной.*

Артем вздрогнул, понимая, что задремал на работе. Над ухом противно звонил телефон; Он раздраженно поднял и опустил трубку. Рабочий день пятницы близился к концу, а это означало, что впереди маячили два выходных, плавно переходящие в отпуск. Сорок два дня свободы.

Он уже десять лет батрачил в офисе, устроившись в контору в двадцать, уже не надеясь на карьерный рост. Страховая компания «Батут», куда устроил его, через знакомого, папаша, росла с каждым годом, открывала филиалы по всей стране; Артем несколько раз намекал боссу, что неплохо бы получить повышение, но тот лишь пускался в пространственные монологи, как парень полез на своем месте, что все они винтики, служащие одному механизму. Артем продолжил корпеть над отчетами, иногда получал премию и сорок дней отпуска в год; он успокаивал себя мыслью, что он хотя бы не безработный, особенно когда в стране кризис, но это не всегда помогало. Последний год он все чаще просыпался с мыслью о суициде, но затем выключал будильник и шел собираться на работу.

До конца рабочего дня оставалось двадцать минут. Потом

Артем выйдет из офиса и забудет о нем на шесть недель; он собирался заправить полный бак своей старенькой, 97-года, «Тойоты-Креста» и поехать отдыхать в новый курорт «Сай-энд», который открылся всего месяц назад. Артем прочитал краткое описание курорта на сайте: его построили в глуши, за четыреста километров от города; он был окружен лесным массивом, гарантируя чистый, незагрязненный выхлопными газами воздух; отель в пять этажей, комфортабельные номера (*одноместные, двухместные, трехместные, и конечно – десять номеров типа люкс*), бассейн, сауна, помещения для проведения досуга (*бильярд, боулинг, теннис и прочее*), лечебные грязевые ванны и массаж, консультация специалистов, по любым вопросам здоровья и составления индивидуальных диет. Путевки делились на двухнедельный, краткий, и месячный курсы; при любом варианте, персонал курорта обещал *незабываемые впечатления и полное восстановление физических и душевных сил*. Артем потратил на месячную путевку больше трех зарплат и уже получил незабываемые впечатления, но был уверен, что это того стоит. Иначе, однажды утром он будет собираться не на работу, а просто откроет окно, залезет на подоконник и шагнет вниз, с девятого этажа своей квартиры.

Раньше, он считал одиночество преимуществом, но не так давно пришло желание возвращаться в уютную, обставленную женской рукой, квартиру; вдыхать приятный аромат свежеприготовленного ужина (*борща, котлеты, пироги*), а

не надоевший запах пиццы, роллов и гамбургеров, которые он покупал по дороге домой; смотреть глупые сериалы, ощущая рядом тепло близкого человека.

Семейная жизнь не сложилась, как и карьера: несколько попыток сожительства закончились расставанием, иногда болезненным (*взбешенная, постоянно недовольная тем, что Артем уделяет ей мало внимания, Юля, перед уходом, кинула в него связку ключей; или у нее были задатки питчера, или был просто неудачный день, но ключи попали точно лоб – голова гудела несколько часов*). Он оставил попытки обрести семейное счастье, пользуясь услугами *куртизанок*, если было необходимо; хотя в последний год депрессия настолько захватила его, что ему было не до плотских утех.

Парень недовольно взглянул на живот, слегка нависавший над ремнем, решив, что надо заняться своим здоровьем: из-за сидячей работы, неправильного питания, и ежедневных порций пива он прилично прибавил в весе. Артем каждый день обещал себе начать ходить в спортзал (*он даже покупал месячный абонемент*), но наступал вечер, и он проводил его за телевизором, с пивом и пиццей. *Завтра это никогда*, – говаривал его папаша, который уже как два года кормил червей. Артем не испытывал любви к этому деспотичному человеку, который больше всего любил выпить и воспитывать сына кулаками за любую провинность. Он плохо помнил мать: она умерла, когда ему было три года: выпала из окна, которое мыла, стоя на подоконнике. Отец сказал, что

это был несчастный случай, но взрослея, сын смутно подзревал, что это была не случайность: отец, в приступе пьяной ярости, запросто мог просто выбросить мать наружу.

После армии Артем мыкался на низкооплачиваемой работе, зарабатывая копейки, которых едва хватало на съемную комнату и еду; к отцу он обращаться за помощью не хотел. Впрочем, тот позвонил сам, сказал, что договорился со знакомым и ЕГО СЫНА примут в страховую компанию на стажировку; неприязнь к отцу не исчезла, но он сдержал желание бросить трубку и узнал куда приехать на собеседование. Соблазн покинуть съемную комнату, с соседями алкоголиками, которые вечно ругались из-за бутылки и слушали шансон, был слишком велик. Так он и пришел к тому, что имел в свои тридцать лет, прожив половину жизни: бесперспективной работе, одиночеству, обрюзгшему телу и мыслям о суициде.

Его взгляд упал на часы: две минуты восьмого. *Две минуты переработки, надо написать заявление на сверхурочные*, - подумал он. Артем выключил компьютер, накинул пиджак, опустил жалюзи и с чувством облегчения покинул кабинет. Он сдал ключ скучающему у выхода охраннику, расписался в журнале, и вышел на улицу.

Ярко светило теплое летнее солнце, на небе не видно ни облачка. Парень забрал со стоянки свою «Тойоту» и поехал домой. Мыслями он уже был на пути в «Сайэнд».

Настя в спешке собирала вещи. Впервые за пять лет, ее дорожная сумка набивалась вещами не для командировки, а отдыха.

Едва девушка проснулась, у нее мелькнула мысль – не приснился ли ей очередной кошмар. Но она увидела на столике коньяк, пластырь на ступне и поняла, что нет. *Вчера ночью мертвая девушка предложила взять у нее интервью, как бы между прочим, а потом, скорее всего, они бы поехали в ресторан. Стоп, мне нужен отдых,* – твердо решила она. И пока не передумала, связалась с шефом. После получасовых препираний (*он намекал о том, что присматривается к кандидатам на его место*), Настя сказала, что за пять лет работы в «Тв-5» ни разу не была в отпуске и возьмет его сейчас, любой ценой, даже под угрозой увольнения. Шеф понял, что она не шутит и великодушно дал ей месяц отгула (*тебя заменит Оксана, не такая талантливая как ты, но таких как ты больше и нет*), и пообещал, что будет изнывать от тоски по ней. Девушка сдержанно поблагодарила его, попрощалась и тут же залезла в интернет, размышляя куда отправиться отдохнуть.

На первой же страничке вылезла яркая реклама курорта «Сайэнд»; Настя скептически начала читать описание сие чуда (*в ее представлении местные курорты больше подходили тем, кому за пятьдесят, как и лавочки, стоящие у подъезда*). Дочитав до конца и просмотрев фотографии, Настя передумала. Место вполне уютное, симпатичное, подальше

от цивилизации – как раз то, что ей было нужно. Настя оплатила картой месячный курс, забронировала люкс, и отложила телефон. Приехать в «Сайэнд» можно было в любое время суток. Настю это устраивало – по ее расчетам, она доберется туда не раньше полуночи.

Оставалось лишь подняться с постели и сходить в душ. Настя надела тапочки (она пожалела, что не надела их ночью) и медленно вышла из спальни. В квартире стояла тишина, лишь из открытого окна доносился шум машин, смех и крики гуляющей детворы. Где-то вдалеке лаяла собака. *Все как обычно, не о чем волноваться.* Она осторожно подошла к ванне, не обращая внимания на хруст стекла под ногами, включила свет, отодвинула шпингалет и открыла дверь. Теплый желтоватый свет мягко освещал уютную, выложенную бежевой крупной плиткой, ванную комнату. Слегка пахло клубникой, на полочке у зеркала стоял маленький флакон освежителя воздуха, никакого запаха рыбы и утопленницы. Настя настроила теплую воду: *никаких скрипов, бесшумные повороты маховика,* кинула трусы в тазик, и залезла под душ.

Она с наслаждением намылилась ароматным гелем для душа; вода стекала по ней, смывая все тревоги. Вдруг девушка замерла, внезапно запахло рыбой и мягкая, как желатин, рука легла ей на плечо. Настя резко обернулась: никакой руки, никакого мертвеца – ее коснулась душевая шторка. *Ну конечно, это стресс,* – но она в это не верила. Она решила,

что продаст квартиру, когда вернется из отпуска.

Она обернулась желтым махровым полотенцем и поспешно вышла из ванны, закрыв дверь на замок; затем сварила в турке кофе и пожарила пару яиц. Позавтракав, Настя решила, поскорее собрать вещи и уехать, *пока она не сошла с ума.*

Когда девушка забила сумку всем необходимым, время перевалило за пять часов. Она позвонила предупреждая, что уезжает: родителям (*они отнеслись к этой новости равнодушно, впрочем, как к любой информации касающейся ее жизни*); Саше (*он огорчился, что не может поехать с ней из-за завала на работе и обещал регулярно звонить*); и лучшей (*единственной*) подруге Марине, та пожелала ей хорошо отдохнуть, искренне радуясь, что подруга наконец-то послушала ее и взяла отпуск.

Настя надела розовую тунику, белые лосины, обулась и вышла на лестничную площадку, выкатив за собой дорожную сумку. Она едва успела закрыть дверь на нижний замок, как услышала донесшийся из квартиры всплеск воды; *шлеп, шлеп, шлеп*, кто-то подошел к входной двери, подергал за ручку. Вздых, и тишина. *Я больше не зайду в эту квартиру даже под угрозой смерти*, – подумала она, ощущая слабость в ногах, развернулась и спустилась на улицу.

Она положила сумку в багажник своего «Лексуса», пару минут просто сидела, вцепившись в руль, пытаясь унять дрожь в руках. Девушка искренне надеялась, что отпуск вернет ей душевное равновесие.

В то время, когда Настя ехала по загородному шоссе, слушая песню «Все будет хорошо» Фомина, Артем собирал свою спортивную сумку. Он сложил самые нужные вещи – это не отняло у него более получаса; затем оплатил через интернет ежемесячные счета за квартиру и принял душ. Когда он стоял в коридоре, готовый к выходу, в шортах и белой футболке, часы на стене показывали половину девятого. Он запер входную дверь, на верхний и нижний замок, и спустился во двор.

Дневной зной сменила вечерняя прохлада; солнце медленно клонилось к закату. Артем кинул сумку на заднее сидение, завёл двигатель и выехал со двора, вливаясь в поток машин. Он решил заехать в кафе, перед тем как ехать в «Сайэнд»; он так и не поужинал после работы, а дорога займет у него больше четырех часов.

Парень проехал несколько кварталов и свернул на освещенную парковку возле кафе «Аппетите». Кроме отличного эспresso, здесь подавали изумительно вкусные блинчики с вишневым джемом. В кафе почти никого не было: семья с белокурой девчушкой, которая с аппетитом лакобилась фруктовым мороженым, да три парня, похожие на студентов.

Артем занял столик у окна и кивнул подошедшей официантке.

– Здравствуйте, чего желаете? – приветливо спросила она; на ней была короткая черная юбка, обтягивающая загорелые

аппетитные ноги и белая блузка, на груди висел бейдж: «Марина».

– Приветствую, мне большой эспрессо и двойную порцию блинчиков с вишней, – заказал он.

– Хорошо. У нас появился в меню ванильный пирог, посетители очень хвалили, хотите?

– Как я могу отказаться, особенно после такой лестной рекомендации от красивой девушки, – подмигнул он, улыбаясь. – Давайте.

– Ваш заказ скоро будет готов, – Марина послала ему очаровательную улыбку и пошла к стойке, Артем проводил ее взглядом, любуясь ее упругой, даже на вид, попкой.

Официантка вернулась с подносом через несколько минут. Она поставила перед ним две тарелки с горячими ароматными блинчиками, блюде с куском пирога и чашку с кофе. У него заурчало в животе.

– Приятного аппетита, – Марина улыбнулась и удалилась, оставив его наедине с едой.

Артем с удовольствием проглотил блины, запивая кофе, и подумал, что пирог не влезет в него; но едва он попробовал его, то уже не мог остановиться: он буквально таял во рту. Насытившись, *вернее объевшись*, парень рыгнул, прикрыв рот рукой, откинулся на стуле и посмотрел в окно. Смеркалось, поток машин и гуляющих прохожих поредел, ветер лениво играл с листвой, гоняя по пыльному асфальту сорванные листья. Он взглянул на Марину, которая стояла

за стойкой, разговаривая с коллегой, и приглашающе поднял руку; официантка немедленно подошла, все так же приветливо улыбаясь.

– Желаете добавки? – спросила она.

– Спасибо, что веришь в меня, дорогая, но я и так переел, – он покачал головой. – Принеси, пожалуйста, большой стакан кофе покрепче, на вынос, и счет.

– Минуточку, – она ушла; Артем направился в уборную.

Он зашел в чистый, благоухающий фиалками туалет, облегчился и вымыл руки. Шорох за спиной заставил его вздрогнуть. Он поднял голову и посмотрел в зеркало: за спиной стоял его папаша: остатки седых волос прилипли к его пожелтевшей коже; белесые глаза, без зрачков, сгнившие пеньки зубов, изо рта вылетал пар, словно он дышал на холоде; *но мертвые не дышат*, – подумал парень.

– *Как застраховать свою жизнь, если мне нет цены?* – спросил папаша, ухмыльнувшись.

Артем обернулся и увидел только ряд писсуаров и поблескивающую в свете лампы синюю кафельную плитку – *никаких призраков*. Он вытер руки бумажным полотенцем, бросил его в пластиковое ведро в углу и вернулся к столику; *похоже этот пирог прямоком из Голландии*, – усмехнулся он про себя, – *жаль только, что плодом галлюцинации не стала прекрасная дева, с голой грудью*.

Он рассчитался с официанткой, *оставил чаевых двести рублей*, забрал кофе и загрузился в машину. Артем включил

двигатель, поймал волну «Радио-Авто», и направился к загородному шоссе.

## 5

– Максим Анатольевич, я пойду? – заискивающий голос оторвал его от бумаг. Он поднял голову и взглянул на секретаршу поверх дымчатых, в оправе из флексона, очков. Молодая девчонка, двадцати лет, с короткой черной стрижкой, в строгом деловом костюме; на лице застыла глупая гримаса, с намеком на улыбку. Максим никогда бы не взял ее в свою юридическую фирму «Щит», *если только уборщицей*, если бы не просьба старого друга: тот хотел, чтобы его дочь взялась за ум. *Как можно взяться за то, чего нет*, – раздражённо подумал он. Ее интересовали только клубы, гулянки и салоны красоты; а если друг хотел ей помочь, то для начала забрал бы у нее золотую карту и заставил жить на зарплату.

– Да, Светочка, иди, я сегодня задержусь, – сказал он.

– До свидания, Максим Анатольевич, – радостно сказала она и скрылась за дверью.

Он откинулся в кресле, достал из початой пачки тонкую сигарету и подкурил серебряной зажигалкой «Данхилл». Он глубоко вдохнул ароматный дым и выдохнул несколько аккуратных колец. Максим считал, что неплохо сохранился в свои пятьдесят девять лет: крепкое жилистое тело, родные (*без всяких пересадок*) густые волосы, никакой отдышки и проблем с сердцем, в отличие от многих его ровесников; регулярные посещения спортзала и активный отдых этому спо-

собствовали. *Но с сигаретами надо кончать*, - подумал он, зная, что все равно не сможет бросить.

Его взгляд упал на календарь: двадцать пятое июня, до знаменательной даты, *он обвел ее красным маркером*, осталось всего пять дней. Максим как раз собирался закончить волокиту с бумагами, передать дела заму, и отправиться на *охоту*. Тот самый активный отдых, которым он увлекся еще с двенадцати лет, когда отец впервые взял его с собой.

Азарт выслеживания добычи, многочасовые засады в кустах у водополя, запах пропитанной потом одежды стали для него наркотиком. Непередаваемое чувство, когда сводишь мушку прицела с дичью и задерживаешь дыхание, выравнивая ствол, сводило его с ума. Выстрел – и убитый зверь падает на землю, с треском ломая сухие ветки, а затем – приходящее чувство умиротворения. В шестнадцать, лишившись девственности на одной из вечеринок, в квартире друга, Максим подумал, что это похоже на секс. В тот самый миг, когда напряженное тело не выдерживает возбуждения и выплескивает его наружу; да только секс показался ему жалкой пародией на то чувство, когда спускаешь курок.

А десять лет назад, он открыл для себя новый вид *охоты*. Его старый добрый друг Миша, с которым они росли в одном дворе и ходили в одну школу, обмолвился *о секрете*, когда они сидели в его кабинете, пили «Чивас», курили сигары и предавались воспоминаниям.

*– Считай это адвокатской тайной, я унесу ее с собой в*

*могилу*, – сказал Максим, он подумал, что услышит, как его седой худощавый друг завел себе двадцатилетнюю любовницу.

Но когда он выслушал Мишу, случилось то, что изменило его жизнь. Речь шла об охоте на *людей*, которых загоняли не хуже зверей, используя капканы, волчьи ямы и, конечно, винтовки. Закрытый Клуб *Охотников*, назвал его Миша. В него входило несколько десятков богатейших влиятельных людей, в том числе и женщины, которым надоела рутина и они жаждали мощной дозы адреналина. *Попробовав – не сможешь остановиться*, – многозначительно сказал его друг, и был прав.

Впервые он попал на *охоту ранней осенью*. На взносы членов клуба, организационный комитет построил оздоровительный лагерь для неимущих, куда приехали около пятидесяти человек, со своими семьями. Обычное стадо, работающее за копейки, вымаливающее у государства пособие; Максим смотрел на них с презрением, без малейшего чувства жалости. Отец вбил в него простую истину: *человек сам кузнец своего счастья*; а все жалобы на неудачные стечения обстоятельств, невезения, и божий кары – вызывали у него лишь раздражение.

Люди, приготовленные для забоя, словно стадо коров, несколько дней отдыхали, радуясь дармовой еде, выпивке и развлечениям. А потом началась *Охота*.

Охотники объявили по мегафону для чего они собра-

ли людей; те, подобно скоту, который меланхолично жует траву, не обращая внимания на приближающегося человека с ножом, решили, что это шутка. Но когда из леса вышли десять человек, с винтовками наперевес, они заколебались. И только когда первая пуля снесла половину черепа пьяному мужику, чуть выше бровей, и стоящую рядом женщину обрызгало ошметками мозгов, вперемешку с кровью – тогда они побежали.

С криками, визгом, спотыкаясь друг об друга. Прежде чем они скрылись в лесу, охотники подстрелили еще восемь человек – один из них ушел, раненный в ногу. Максим прицелился в спину бегущей девушки, в легком желтом платье и нажал на курок – девушка взмахнула руками и рухнула лицом в траву, между лопатками расплылось яркое пятно крови. Он впервые убил человека, но не испытывал чувства вины, скорее возбуждение; по телу пробежала приятная дрожь.

Охотники выслеживали своих жертв до полуночи, зона охоты была огорожена металлической оградой под напряжением, торопиться было некуда. Они перебили всех, (некоторые сломали шеи в волчьих ямах), и женщин, и детей.

Затем охотники развели костер, поели шашлык, выпили, обсудили охоту. Под утро они разъехались; в новостях передали о пожаре в лесу, который унес жизни пятидесяти человек. Небольшой ажиотаж, который быстро сменили другие новости, небольшие отчисления семьям погибших – и никаких последствий. Максим чувствовал себя по настоящему

живым, словно проснулся от глубокого сна.

Он регулярно, два раза в год, ездил на *охоту*; его жена не возражала (*она и представить не могла, на кого охотится ее муж*), радуясь, что Максим стал лучше себя чувствовать, в глазах появился блеск, как когда-то в молодости; он стал чаще радовать ее цветами, подолгу болтал по телефону с дочерью, которая жила в другом городе.

На его счету было уже двадцать две жертвы, он помнил всех: пятнадцать мужчин, шесть женщин и один ребенок, светловолосый мальчишка лет десяти.

Этот год был особенный – прошел целый век со дня создания Клуба Охотников. Члены клуба вложили в общую кассу по несколько миллионов, оргкомитет арендовал большой участок за городом, построил курорт и начал собирать будущих жертв. Для юбилея они решили отобрать людей с достатком, для бедных цена путевки была не по карману. По расчетам комитета, первого июля отель должен быть заполнен на девяносто пять процентов, *около двухсот человек*, тогда и должны были приехать *охотники*, со всех уголков страны. Пятьдесят шесть членов клуба собирались сполна насладиться кровью.

Адвокат затушил сигарету и снова погрузился в отчеты.

## 6

Настя подъехала к широким металлическим воротам курорта в начале двенадцатого. Охранник вышел из будки, распахнул ворота и не спеша подошел к ней. На нем была тон-

кая голубая рубашка, черные брюки и туфли; на поясе висела кобура с пистолетом, фонарик и рация.

– Здравствуйте, можно взглянуть на вашу путевку? – спросил он, когда она опустила окно. Тон дружелюбный, но взгляд был холодный, едва ли не угрожающий.

– Вот, пожалуйста, – девушка протянула ему телефон, показывая снимок, где отображался ее ид-номер.

Охранник достал из нагрудного кармана рубашки аккуратно сложенный листок, внимательно сверил последовательность цифр и удовлетворенно кивнул.

– Все в порядке, – сказал он, – проезжайте прямо, у входа Вас встретит сотрудник отеля.

– Спасибо, – Настя последовала инструкции, мельком взглянув в зеркало заднего вида. Охранник смотрел ей вслед, на его лице застыла жуткая ухмылка, похожая на ту, что она видела на лице утопленницы. Она перевела взгляд на дорогу, и выровняла машину, – еще бы немного и машина поехала бы по клумбам. *Я ваш новый садовник, – скажет она, когда припаркуется, – эти цветы были ни к черту.* Она хихикнула и остановила «Лексус» у отеля. Симпатичное здание, выложенное тёмно-бордовой плиткой, к центральному входу вели десять широких мраморных ступеней; территорию вокруг украшали клумбы с красными и белыми розами.

К ее машине подошел сотрудник отеля, на нем были белоснежные штаны, рубашка и туфли; аккуратный пробор волос, приятная улыбка.

– Добро пожаловать в «Сайэнд», – сказал он, открыл дверь и протянул руку, чтобы помочь выйти. – Меня зовут Игорь.

– Спасибо. Где мне припарковаться?

– Вашу машину припаркует наш сотрудник, – он покачал головой, – а я провожу Вас и помогу с багажом.

Настя отдала ключи от машины сотруднику, открыла багажник, и он достал ее сумку; девушка заметила, что он держит ее как пушинку, хотя сама она еле подняла ее.

– Следуйте за мной, – Игорь направился к дубовым дверям, легко шагая по ступенькам. Она пошла за ним, довольная сервисом.

Сотрудник придержал дверь, пропуская девушку внутрь, она благодарна кивнула и зашла в вестибюль. В глаза сразу бросилась массивная хрустальная люстра, которая ослепительно сверкала под белоснежным потолком. Стены были окрашены в мягкий бежевый цвет, у входа стояли обитые красным бархатом диванчики; с левой стороны располагались два лифта: пассажирский и грузовой, рядом с ними – лестница, ее ступени покрывала бордовая ковровая дорожка; за стойкой, из светлого дуба, стояла симпатичная девушка, в белой блузке. За ее спиной висела написанная маслом картина: курорт «Сайэнд», с высоты птичьего полета.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.